

М. А.
КУЗМИН

Избранное

Михаил Алексеевич Кузмин

Кирикова лодка

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=311502

Михаил Кузмин «Стихи и проза»: Современник; Москва; 1989

Аннотация

Художественная манера Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936) своеобразна, артистична, а творчество пронизано искренним поэтическим чувством, глубоко гуманистично: искусство, по мнению художника, «должно создаваться во имя любви, человечности и частного случая».

Михаил Кузмин

Кирикова лодка

Всякий знает, как портовые жители сначала замечают словно кремневый огонь с далеко стоящих судов и потом уже через полминуты до их слуха дойдет тупой выстрел. Так и подлинным вестям о великой войне предшествовали предзнаменования, видения, слухи и пророчества в том далеком на севере селе, среди печальных болот, где непрерывный шум моря наводит такую тоску, что начинаешь думать, что слово «поморье» происходит не от «моря», а от глагола «помирать». Отъехать верст на сорок от берега, где твердая совсем уже земля и кое-какой лес, не слышно, не видно моря, – все-таки легче, а здесь белесоватый залив, будто упавший откуда-то глаз с бельмом, белое небо в тумане, где только мартыны доказывают, что это еще не последняя белизна, сонное солнце, сонный плеск серебряной рыбы, – будто на пришельца, смотрят на человека, и вся бескрайность словно лениво ждет, когда же будут белые ночи или покроется все снегом.

Как бы сохраняя тот инстинкт, даже не животных, а насекомых, заставляющий их окрашиваться в цвет окружающей их части природы, и люди, шедшие по узкой тропинке, были одеты в белый некрашенный холст, их волосы были белы почти до седины и голубые глаза словно вылиняли от тумана.

Пар поднимался за каждым их шагом от вдавливаемого мха, будто они шли по пожарищу. Шло трое, остановились около самого берега, где ждала незаметная лодка; затем остались две фигуры, а молочную воду разрезал густой желтоватый след. Женщины пошли обратно по едва заметным следам, будто прямо болотом; одна из них обернулась еще раз на море, где в полосе, осеребренной солнцем, качалась лодка. Затем, запахнув белый кафтан, догнала старшую, путаясь в стеблях морошки.

– Насмотрелась?

– Нет, не насмотрелась.

– Дура ты, Ульяна, как посмотрю на тебя!

– Какая есть.

– Да ты с кем говоришь-то: с матерью или нет?

– Хоть бы и с матерью.

– Так разве с матерью так говорят?

– А то как же еще? говорю по-русски.

– Вот погоди, сестре Киликее скажу, она тебе покажет так отвечать. Лестовкой-то отхлещет!

– Сестра Киликеея, хоть и осерчает, а хлестать меня не будет.

– Нет, будет.

– С какой стати? Я у нее не под началом еще. Да если бы и была, что же я сделала? Кирика провожала, так что тут худого? все знают, что в Покров он меня возьмет за себя.

– Вешайся ему больше на шею, так и спятится.

– Кирик не спятится, не такой он человек.

– Какой же он такой особенный? как и все: костяной да кожаный.

– Пускай кожаный, все равно не спятится.

– Да ты не потеряла ли уж себя, Ульяна?

– Нет.

– То-то.

– А если бы и потеряла, кому какое дело?

– Да что ты: белены объелась? совсем от рук отбилась, будто у нее ни отца, ни матери нет!

Ульяна, действительно, имела и мать, которая шла вместе с нею к раскиданному селу, и отца, известного в окрестности, как местного богатея и содержателя тайного скита. Тайным скит был когда-то, лет шестьдесят тому назад, теперь же ни для кого не было секретом, что в шести-семи избах одного из гнезд, составлявших село, жило с дюжину старух и девушек, занятых рукодельем, молением и хозяйством. Действительным было и то, что Ульяна слишком любила Кирика и не считала нужным скрывать этого, но, конечно, она не ошибалась, полагая Кирика не «таким человеком». Хотя с виду обветренное, загорелое северным морским загаром, будто слегка дубленое лицо парня с прямыми русыми волосами и пристальным взглядом было как у всех, но иногда в этих глазах вдруг неподвижно зажигались словно голубые свечи, отчего лицо делалось белее и прозрачнее и сам Кирик не казался тогда уже таким «костяным да кожаным». Веро-

ятно, за эти-то краткие минуты и считала Ульяна своего жениха особенным, если не по девичьей глупости, которой всегда «по милу хорош».

И теперь у большой избы соседа Кириковы глаза так же странно и неподвижно голубели, словно он не слышал, что говорили кругом, или слишком внимательно слушал другое, что не говорили. Писарь, сидя на бревнах, читал газеты, и его окружали староверы и церковные, старики и ребятишки; даже Ульянин отец стоял в розовой, высоко подпоясанной рубашке с палочкою в руке. Газета была старая, чуть ли не двумя неделями, но людям, приученным морем и молитвами к какому-то особенному вечному времясчислению, эти новости казались происшедшими минуту тому назад, но вместе с тем они же сплетались как-то непонятно не то с отрывками из «Кирилловой книги» об Антихристе, не то с белым поморским туманом.

«...Под дулами револьверов несчастного казначея заставили выдать городские деньги; когда же оказалось, что этих последних всего 263 рубля 73 коп., злодеи расстреляли на глазах у него жену и детей, потом и его самого».

Читающий и слушатели не делали как-то разницы между случаями современной войны, гонениями римских императоров и историями из Летописца. И так же благочестиво вздохнул кто-то:

- О господи Иисусе Христе!
- Сюда-то, мамынька, не придут?

– Да как же им придти-то, откудова? – отвечала баба таким тоном, будто речь шла о войсках Гога и Магога.

– А вот в севастопольскую кампанию... – начал седой солдат, будто покрытый зеленью от старости – ...англичане к нам приходили, в Соловки палили...

– Так то англичане, а не немцы, дедушка...

– Англичане, англичане...

– А вот наши на море видели корабль, не русский... пошел, постоял, постоял и тихо назад пошел.

– Во сне видели-то?

– Нет, не во сне...

– А вот в среду, так, говорил, Дементий видел: лодка и два старца в ней... видать, что старцы, а лиц не разобрать, будто нет. И ручек не чуть, одни рукава, а простираются вдаль... и голос слышен... Один говорит: «Зосима, не пора ли? нашим туго». А тот отвечает: «Погоди, Савватеюшко, не торопись, еще справятся». Так не то проехали, не то под водой скрылись больше не видно стало.

– Ну, это он из жития вычитал. Не то Св. Александра Невского, не то Александра Свирского.

– Большая разница: один Благоверный Князь, другой – Преподобный.

– ...все сожигая на пути своего отступления, угоняя скот и увозя все ценные вещи... – продолжал читать писарь.

– А объявление будет?

– Какое объявление?

– Насчет того, какая вера правильная.

– Опомнилась! разве теперь такое время? Безо всякого объявления теперь нужно «Спаси, Господи» к небу кричать едиными устны и единым сердцем!

– Да, да. Правду ты говоришь.

– А вот в Архангельский, говорят, пленных пригнали... страшные! по-нашему не говорят.

– Это не пленные, это немцев из Питера выслали. Пленные – те с номерами и в кандалах.

– Нет, эти без номеров. И барыни ихние с ними. Те еще злее, барыни-то!

– О, Господи, к нам бы не прислали!

– Не пришлют: у нас мошкара заест... опять, сырость...

– Говорят, казаков послали англичанам. Нагрузили, будто, хлебом, а там все казаки... Наши видели... На каждом мешке штемпель и орел, чтобы там поняли. А атаман по палубе на воле гуляет с пикой. Погуляет, погуляет – и пикой в трюм постучит, значит – «живы ли, детки»? Те снизу отвечают: «живы!» и так дальше плывут...

Кирик, как застывший, слушал, то ли, что говорили, то ли, о чем не было речи.

На следующее утро он пропал, исчезла куда-то и его лодка. Ульяна думала, что он спозаранок отправился рыбу ловить, и просидела до вечера на кочке, но Кирик не возвращался. Не возвращался он и на другой день, и на третий. Целую неделю ходила Ульяна к морю, потом перестала. А

тут начались рассказы: то Кирика видели с лодкой, то лодку без Кирика, что-то он даже кричал будто рыбакам, не то «горячо», не то «хорошо». Наконец и рассказы прекратились. Пропал Кирик, да и все тут. Весною часто рыбаки пропадают, а он летом пропал – все может быть! Долго Ульяна крепилась, наконец, сдалась и стала на ночь читать канон за «единоумершего». Слезы растопили окаменелость и растравили раны, так что можно было их врачевать. Покров уже был близок, когда Ульяна, войдя в келью матери Киликеи, поклонилась ей в ноги и сказала:

– К твоей милости! возьми меня под начал, хочу постричься.

– Дело доброе, дело доброе! Блажен извол твой, о, Господе... – ответила та, крестясь.

– Вся душа моя изныла, матушка! одна мне радость, одно мне спасенье молиться, душу свою белить перед Господом.

В сенях кто-то быстро, не по-скитски затопотал, постучал без молитвы, Киликея недовольно молвила:

– Кто там? с цепи сорвался, что ли?

В горницу вбежал подросток с бумагой в руке.

– Тебе, Ульяна, от Кирика письмо!

– От Кирика? – спросила Ульяна, будто не понимая, и не подымаясь с колен.

– Что за вздор? нешто могут с того света письма приходить? – рассуждала Киликея, меж тем как Ульяна на коленях еле разбирала от слез каракули. Наконец она опустила пись-

мо и, широко перекрестившись, воскликнула:

– Жив, жив!

– Дай-ка бумагу-то, – сказала Киликея, надевая очки. В письме не менее фантастично, чем все, что говорилось в селе, чем все, что там представлялось, было описано, как Кирик нагнал, действительно, судно с казачьим отрядом, после долгих скитаний высадился во Франции и сражается против немцев.

Прочитав письмо, Киликея обратилась с улыбкой к девушке:

– Так как же, милая, постригаться-то повременишь?...

– Повремению, Киликеюшка.

– Ладно, ладно, воля твоя!

– Не сердись, матушка.

– Мне что? твоя воля, твое и хотенье.

– Матушка!

– Что?

– Скажи мне, что он вернется.

– Уж этого я не знаю. Как Господь рассудит.

– Нет, ты наверное скажи!

– Вот безумная-то пристала! Что я тебе – пророк или гадалка! как же я могу это знать?

– А вот я не пророк и не гадалка, а знаю, знаю, что Кирик вернется!

И Ульяне так ясно представилось, как в Кириковых глазах вместо голубых свечей отражаются ружейные огни, что она

поверила, что наступит время, когда в этих взорах снова заблестит бледное родное небо, и море, и ее, Ульянины, глаза.

1915